

Анатолий Юрьевич Аврутин родился в 1948 году в Минске. Окончил Белорусский государственный университет. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». В 2005–2008 годах — первый секретарь правления Союза писателей Беларуси. Лауреат международных премий им. С. Полоцкого, Э. Хемингуэя (Канада), «Литературный европеец» (Германия), многих российских и белорусских литературных премий. Автор более двадцати поэтических книг. Живет в Минске.

Анатолий Аврутин

РЕДКАЯ ПТИЦА

ОДИНОЧЕСТВО СВИДЕТЕЛЯ

*Мировосприятие
в стихах Анатолия Аврутина*

*А где-то в вышине
Журавлик тихо пролетел, не зная обо мне.*

Анатолий Аврутин

1

Как известно, поэт — фигура одинокая. Такая душевная организация изначально заложена в природе его дарования. Внешне он может быть даже навязчиво общителен, шумен и громогласен, однако внутреннее невольное отшельничество всегда настигает его с особой остротой в минуты, когда он безуспешно старается воссоединиться с поэтической стихией и обратить ее в конкретные слова. От этого никуда не уйти, зато мгновения творческой свободы и чуткое управление порывами «художественного ветра» делают поэта счастливым, и мрачный провал между ним и всеми остальными людьми чудесно исчезает. Подобное первичное свойство поэтического таланта совсем не подразумевает одиночество и даже изгойство как абсолютные характеристики, неотделимые от облика творческой личности. Художник может вести речь о бедах или о красоте социального и природного мира, входить в детали чужой жизни и быть участником каких-то событий, давних или будущих, он может растворяться в любви к женщине, которую называет «единственной».

Полотно его личного бытия, переплетая метафизику с бытом, увидится читателю широким и плотным. А если в нем возникают какие-либо прорехи, то они продиктованы конкретными обстоятельствами и не носят характера некоего обобщения.

Отдавая себе отчет в таком вполне распространенном порядке вещей, заметим, что *«одиночество» как бытийная принадлежность того или иного поэта оказывается его сугубо индивидуальной чертой.* Не у всякого автора названная характеристика душевного устройства проникает непосредственно в стихи. Но когда слова об одиночестве и соответствующая смысловая окраска его лирической истории, внешне изменяясь, а внутренне являясь чем-то постоянным, присутствуют в произведениях художника в течение долгого времени, а порой и на протяжении всего большого творческого пути — это серьезный повод всмотреться в его строки и понять, каковы же взаимоотношения поэта с историей, людьми, странством и временем, с женщиной и со своим прошлым...

Совершенно неожиданно обозначенные задачи возникают перед внимательным исследователем творчества Анатолия Аврутина. Сборник его избранных стихотворений *«Временная вечность»*¹ оказывается тем литературным материалом, в котором внутреннее одиночество предстает едва ли не самым важным ключом к пониманию всех иных свойств поэта, чьи строки помогают нам понять настоящий день и осмыслить минувшее. Притом неправильно видеть автора фигурой обездоленной, у которой отнято все дорогое и жизненно важное. Все это в земном бытии у поэта, очевидно, есть — хотя здесь же присутствует незримая и неосязаемая преграда, она мешает ему слиться воедино с Родиной, любимой, временем, людьми, родителями... Многие сюжеты Аврутина обладают странным качеством: как будто пишущий наблюдает за событиями со стороны, и его роль в происходящем — не участника, но соглядатая. Одновременно он всей душой стремится стать частью окружающего мира, вложить всю силу своих рук и сердца в правильное движение и сопряжение предметов и явлений, но какой-то запрет или роковая невозможность властно дают о себе знать и порождают в нем глухую тоску, которая порой переходит в отчаяние.

Все — поздно, все — не так...
Все спутаны понятия.
Я в зеркало гляжу —
но нету там лица.
И Родину успел, и друга потерять я,
и черной полосе
не видится конца.
Ко мне не подходи —
дразнить меня не стоит.
Я загасил очаг, забыл отцовский дом.
Коснись меня перстом —
и волк вдали завоет...
Но если я любим,
коснись меня перстом...

Исчезающий клин журавлей, разлука с возлюбленной и родным домом, горе и беда, поселившиеся во многих местах Отчизны — во всех подобных картинах и обстоятельствах присутствует не избегаемая горечь от того, что изменить хоть малую долю печального внешнего распорядка лирический герой не в силах. Перед нами, кажется, почти экзистенциальная изоляция собственного «я» поэта. Однако его внутреннее неустройство не превращается в доминанту поэтической

---

¹ Аврутин А.Ю. Временная вечность. Избранные произведения. — Минск: Мастацкая літаратура, 2022.

речи, автор не окутывает читателя сумеречным облаком своей горести, но всеми силами пытается показать красоту реального мира, чистоту человеческого сердца, которую никакая темная инстанция не может загасить или замарать окончательно. Художник хочет защитить красоту и подлинность благородных поступков, уберечь дивную гармонию неба и земли, простор поля и затаенность леса — от безжалостного разрушения, а неразгаданную глубину русской истории — от безоглядного поругания.

Изобразительный ряд в стихах Анатолия Аврутина естественно сочетает вещи натуральные и мистические, которые могут возникать в строке — вполне отчетливо или едва уловимо. Аврутин по деталям своих лирических историй — художник очевидно реалистический. Но духовная основа множества его стихотворений носит неустранимо метафизический характер. Более того, в корпусе его произведений есть стихи, которым свойственна, как будто бы, и совсем другая, не «аврутинская» проблематика. Взаимоотношения родового, общего и христианского, личного — это, скорее, из художественной «вселенной» Юрия Кузнецова. В свою очередь, миф у Аврутина не часто воплощается самодостаточным образом (как у его старшего собрата). Он насыщает стихотворения своим дыханием исподволь и почти всегда как важнейший элемент включает в себя отношение автора к изображаемому. Причем в одних случаях лирический герой «отходит» от событий, в других — «присоединяется» к ним, но не является их непосредственным участником, исключая, быть может, вещи биографического характера, где коллизии все-таки отодвинуты от «соглядатая» временной дистанцией.

У Аврутина признаки рода сближаются с очертаниями общего и семейного, тогда как все христианское становится внутренним переживанием, феноменом, скорее, психологическим, нежели отражающим нравственные императивы личного Спасения. Лирика поэта целиком и полностью привязана к чувствам, а не к осмыслению времен и явлений, притом, что «рядом-стояние» старого-старого и относительно нового от его поэзии совершенно неотделимо. У Аврутина мы подходим к духовному сочетанию родового и православного как бы невзначай, когда сама жизнь заставляет alter ego автора мучительно томиться, склоняясь то к одному, то к другому началу. И в таком контексте Аврутин — не концептуальный поэт, в отличие от Юрия Кузнецова. Но иное было бы невозможно, поскольку «поэзия чувства» и «поэзия мысли» плохо сочетаются друг с другом.

Ветер в окошко стучал то и дело.
 Долго судьбе я протягивал руки,
 Долго с деревьев листва не летела,
 Долго судьбе не хотелось разлуки.
 Долго рыдалось... И слышалось долго,
 Как за деревьями мечется птица.
 В тучах прорезалась узкая щелка,
 Месяц пролился на бледные лица...
 Ворон поежился... И задрожала
 Влага на тронутых пеплом подкрыльях.
 Было здесь белому белого мало,
 Черное сделалось черною пылью...
 Не понимая, что случилось со мною,
 Брел я... И мучился, не понимая,
 Что задышал мой отец под землею,
 Встал и побрел, корневища ломая.

Так и бродили мы... Я — по дороге,
Он — под землю с извечною тростью.
Еле держали разбитые ноги,
Жутко скрипели усталые кости.
Ну, а потом прекратилось и это...
Брызнула с веток крикливая стая.
Скрипнули ставни... А после, с рассветом,
Враз облетела листва золотая.

Экзистенциальное одиночество Аврутина исчезает, когда он окидывает взглядом историю, своих родных, русский пейзаж или картины воспоминаний о давнем. Лирический герой его стремится быть частью этого прошлого и настоящего, почти не задумываясь о будущем — земном будущем и небесном житии, мысль о сочетании рода и отдельной души не укладывается в его сердце. Не потому, что сам он — против того: просто он не ведает, как это сделать, как вырваться из капкана, метафизически установленного между этими космическими началами.

Если посмотреть на «родовое» в свете реальных событий, то в это смысловое поле помещается вся отечественная история. Только по отношению к ней родовое начало менее отчетливо и присутствует в жизни не называемо, но — не исчезая совсем. Похоже в нас живет и личное сознание, привязанное к христианскому императиву и наставлениям — как-то обиходно, почти по-бытовому. В результате подобной неопределенности возникает душевная маета русского человека, вынужденного разрываться между общим и индивидуальным. Каким должен быть выход из названного межумочного положения, с уверенностью сказать нельзя. Тем более что это задача не поэзии и не литературы как таковой, а, скорее, философии.

В поэзии Анатолия Аврутина мы видим портрет современного человека, чуткого к душевным переменам и состояниям. Заметим: человека русского. В таком уточнении еще раз проявляется незримая власть и присутствие родового в земном мире, где слова не все объясняют. Зато чувства и природная интуиция подсказывают нам не рациональные формулировки, а поступки и глубинное, подлинное отношение к происходящему вокруг нас и с нами.

3

Стоит обратить внимание на примечательное обстоятельство, которое сопутствует перемещениям лирического героя Аврутина — как в физическом пространстве-времени, так и в духовном континууме. Обращаясь к истории народа и государства, приближаясь к своим биографическим вехам и как бы «фотографируя» мгновения любви, поэт всякий раз показывает предметы и само место происходящего в несколько отчужденном освещении. Они как будто специально выделены автором, их смысл и роль в мизансцене заметно драматизированы, часто им придается почти роковая смысловая окраска. Как уже упоминалось, рассказчик к этим приметам внешнего мира «присоединяется» или «отходит» от них, отчуждаясь от воссоздаваемой им действительности в еще большей степени и никогда не становясь ее естественной частью. В таком показе окружающей среды и скрытых душевных движений присутствует ракурс отдельно стоящего, или парящего над землей, или невидимо присутствующего свидетеля, и он как будто поверяет во многом отделенную от него Вселенную — законами любви, правды, справедливости, милосердия. Ретроспектива мира, куда неведомо как попал лирический герой, вызывает его удивление, содрогание, горькое сожаление и понимание того, что в развернувшейся картине, кажется, ничего невозможно исправить. Он словно пришелец из другого измерения, из старого века и другой страны и не может быть участником происходящего, но порой всем сердцем стремится примерить на себя эту роль.

Этот мир, мучительный и грешный,
Эта в боль струящаяся даль...
Все пройдет... И я пройду, конечно,
Как проходят август и печаль.
Как слепец проходит возле края
Бездны, до которой полруки,
Как проходит женщина босая
Через луг, а дальше напрямки.
Все пройдет... И горечь под гортанью...
И любовь... И этот сизый дым.
Непременно станет синей ранью
То, что было поздним и ночным.
Будет даль... И будет свежий ветер
Гулко дуть судьбе наперерез,
И кого-то снова не заметят,
Что прошел... И в сумерках исчез.

Есть только две позиции, которые являют нам героя действующего, стремящегося переустроить сложившийся порядок и восстановить реальность, что все еще живут в его потаенном космосе. Это любовь и русская речь — чувственное и духовное отражения человека, они позволяют ему ощутить собственную полноту. Но всякая попытка восстановить сердечный порыв, пережить вновь любовное единение в стихах Аврутина является лишь горьким подражанием прошлому, но не волшебным ключом, способным изменить зрение и вернуть лирическому герою утраченную гармонию. А ведь надежда на строительное начало такого пути была велика, и она не гаснет совсем, но если разгорается в очередной раз — то уже с некоторым оттенком обреченности.

Время такое... Неясны сроки,
Ужасам нет конца.
Даже когда небосвод высокий,
Не открывай лица.
Даже когда золотые звуки
Плещутся у щеки...
Даже измученным от разлуки
Не подавай руки.
Все позабудь... Пусть темно и немо
Ближний уйдет во тьму.
Даже когда он взлетает в небо,
Не прикоснись к нему.
Ну, а минуты твои прервутся,
Замертво рухнешь ниц,
Ближние губ твоих не коснутся
И не откроют лиц.

Совсем иначе складываются взаимоотношения alter ego поэта с русским словом. Здесь мы сталкиваемся, наверное, с наиболее живой и органичной формой диалога автора с олицетворенной родной речью, которая превращается в образ его постоянного собеседника. Не тайный голос неведомых глубин сознания, удрученного тяжелой памятью и скорбью, а говорящая сила, что сможет отодвинуть и отразить все угрозы миру. Победительная или медлящая с ответом, кажется, замершая промыслительно на какое-то время, эта непостижимая инстанция никогда не упоминается поэтом с упреком, обвинением, неверием в ее могучие тайные свойства. Тем более у него не найти гневного или иронического пренебрежения к русскому языку, что так свойственно нашим откровенным внешним недругам или Иванам, не помнящим родства.

Этот рокот вселенский.
Мрачны небеса.
На душе пустота... Только снова
Белоснежным крылом ослепляет глаза
Птица русского слова.
А казалось — Батыи
Всех черных эпох
Закопытили ширь, затоптали.
Знали, слово — основа, за слово — под вздох,
Пусть подохнут в печали...
Только в келье строчил
Неизвестный монах
Книгу жизни, что зла и сурова.
Не за харч, не за славу...
Чтоб взмыла сквозь страх
Птица русского слова.
Тяжелы были мысли...
И жить — тяжело.
Жалкий лучик пустив сквозь бойницы,
Солнце тысячи раз за деревья зашло...
Он писал, яснолицый...
Выцветали чернила,
Бодело в груди.
Кровью харкал... Знал — нету другого.
И молился, и Бога просил — ограда
Птицу русского слова...

4

Анатолий Аврутин — поэт чрезвычайно широкого тематического диапазона. Его лирические сюжеты заставляют читателя пережить коллизии давних времен, увидеть внутренним взором послевоенную Россию, почувствовать драматизм русского житейского уклада, ощутить полынную горечь постсоветских десятилетий отечественной истории и замереть, перечитывая строки о любви. Девяностые годы минувшего столетия подтолкнули нашего человека к душевному обособлению и чувству самодостаточности, теперь же множество русских одиночеств стремятся вырваться из собственного ментального плена. Потому мировосприятие этого автора вызывает эмоциональный отклик даже в профессиональной литературной среде, а сам он по праву может считаться одним из главных художественных свидетелей своей эпохи.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

* * *

Закричу... Неотзывчивы ныне
Эти дали и эти леса.
Смолкли в сумрачной белой пустыне
Обезумевших птиц голоса.
Но среди поседевшего мрака,
Где ни возгласа и ни огня,
Что-то ухнет... Залает собака...
Может, это хватились меня?

Стылый воздух причудливо горек...
С губ слизнув ледяющую бель,
Через силу взберусь на пригорок —
За пригорком все та же метель.
Чиркну спичкою... Жалко... Погасла,
Пальцы еле заметно черня.
Все стою, все гляжу понапрасну —
Может, где-то хватились меня?

И в молчанье метелицы белой —
Злой предвестницы черных разлук,
Все мне чудится звук оробелый,
Из молчанья родившийся звук.
Он растет, согревая неволью
На исходе пропащего дня...
Может, это набат колокольный?
Может, это хватились меня?

* * *

Купола обронили рассветную медь,
Скакуны истоптали копыта...
Ничего не узнать... Никуда не успеть...
И молельня еще не открыта.

Вы куда ускакали? Вернитесь сюда,
Воротите свое, заревое.
Где-то женщина плачет, бушует вода,
Позабыв о вселенском покое.

Где-то пенная ярость по краю летит,
Хорошо, если сникнет у края,
Оборвав этот гибельный цокот копыт,
Ничего о грядущем не зная.

Потрясенный предутренним этим лучом
И ступню о травинку обрезав,
Понимаешь, что годы свистят над плечом,
По-кулацки паля из обрезов.

Что вот-вот и нагнется плюгавенький хлюст
Над панелью с делением красным...
И уже не увидишь ни ласковых уст,
Ни рассвета с лучом непогасным.

И останется только зеленый надел,
Где не топлена хата пустая.
И Господь не узнает, чего ты хотел,
О травинку ступни обрезая...

Этот мир, мучительный и грешный,
 Эта, в боль струящаяся, даль...
 Все пройдет... И я пройду, конечно,
 Как проходят август и печаль.
 Как слепец проходит возле края
 Бездны, до которой полруки,
 Как проходит женщина босая
 Через луг, и дальше напрямки.
 Все пройдет... И горечь под гортанью...
 И любовь... И этот сизый дым.
 Непременно станет синей ранью
 То, что было поздним и ночным.
 Будет даль... И будет свежий ветер
 Гулко дуть судьбе наперерез.
 И кого-то снова не заметят,
 Что прошел... И в сумерках исчез.

* * *

Неторопко бредется среди неуюта,
 Мимо чахлых берез и осин.
 Где в душе поселяются мука и смута
 С горьким чувством — ты в мире один.

Все заброшено... Разве что редкая птица,
 Тихо высвистев имя твое,
 Над забытой церквушкой чуть покружится
 И опять упорхнет в забытье.

Да порой на мгновенье пробьется сквозь тучи,
 Снизойдя из далеких высот,
 Осторожного солнышка медленный лучик,
 Чтоб напомнить: «И это пройдет...»

* * *

Сын русского слова, внук русской словесности,
 Мне русская мука — молочная мать...
 Зубами скриплю, угасая в неизвестности,
 Словами давлюсь, не умея смолчать.
 Где нету моста, прошагаю по жердочке,
 Где птицы умолкнут, там я запою...
 Слово нацарапав на треснувшей форточке,
 Гвоздем начинаю поэму свою.

По-русски сомненьями тягостно мучиться,
 От русской печали хватив «первача».
 ...И кто там бредет, будто хворающая птица,
 Крыло, что сломали, едва волооча?

А кто там поет, как свирель одинокая,
По-русски тоску вознося в небеса,
То акая, то умилительно окая,
Немного по-скифски прищурив глаза?

А это Отчизною мучиться велено
Тому, кто по-русски поет о Руси.
И русская музыка, русским навеяна,
Все стонет, веля — ни о чем не проси!
И я не прошу... Ничего, что попрошено,
Ни счастья не даст, не спасет в свой черед.
В сугроб упаду... И пусть русской порошею
Безвестный мой след навсегда заметет...

РАЗНОСЧИЦА ПЕНСИИ

Вот вам пенсия опять,
Снова пенсия.
Я для старых — благодать,
Будто песня я...

Дядя Вася очень ждет,
Губы в линию.
Ручку синюю берет
В руку синюю.

— Это ж где моя строка? —
Триста рубликов.
Больно пачечка легка,
Не до бубликов.

Днем и ночью одиноком,
Жизнь несладкая.
Но соседу на веночек
Дам двадцатку я...

Вслед записку напишу
В «крематорию»...
Дальше кухни не хожу —
Вот история...

Ну а ниже этажом
Палыч с Настею.
Нету Насти за столом —
Знать, несчастье.

Все звала к себе врачей,
Рублик жмотила.
Палыч нынче стал ничей,
Тягомوتина.

И Васильевна одна,
Баба зычная.
— Ничего, что тишина,
Я привычная!

Муж сбежал и был таков,
А в ответе я,
Не гляжу на мужиков
Полстолетия.

...Так этаж за этажом,
Люди старые.
Мне встречались и с ножом,
И с гитарою.

Разнесла... Мне всякий рад,
Улыбаются.
А ступеньки, будто в ад,
Поднимаются.

* * *

Нас Бог простит за то, что мы не боги,
За то, что время мчится не вперед,
Что вновь путем не сделались дороги,
И в лютый час безмолвствует народ.

За то, что мы себя не узнавали
Меж трещинок в разбитых зеркалах,
За то, что мы заметили едва ли,
Как мир живой рассыпался во прах.

За то, что понапрасну в подреберье
Нам истово стучало изнутри...
За то, что вера сделалась неверьем,
Зудящим: «На пожары не смотри!..»

Мы в гору шли, но только сбили ноги,
Ступни босые лишь кровавят снег...
Нас Бог простит за то, что мы не боги,
А мы его — что он не человек.

* * *

Пока еще тропу листвою не замело,
Пока еще черна черника, как черница.
Грибами пахнет бор...
Но кончилось тепло...
Погашен костерок...
Дописана страница...

Еще в заветный миг дрожит твоя рука,
Еще твой светлый взгляд ловлю сквозь воздух синий.
Но видишься ты мне почти издалека,
Где лоб твой — лишь мазок
На выцветшей картине...

Еще я все спешу неведомо куда,
Неведомо зачем брожу себе по свету.
Вот станция... Но здесь не ходят поезда —
Как странно в странный день
Поверить в странность эту...

К перрону подойду, в руке подняв флажок,
Летите в никуда... Неситесь, забывая,
Куда вас приведет в печальный этот срок
Последняя стезя,
Последняя кривая...